

А. Курляндский

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПОПУГАЯ
КЕШИ

Иллюстрации
Дианы Лапшиной

«МАЛЫШ»

Глава первая

КЕША — ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Вовка рос хилым и болезненным мальчиком. Микробы и бактерии души в нём не чаяли. Стоило ему выйти из дома, как они тут же бросались к нему на шею: «Привет, Вовка! Куда ты пропал? Мы так соскучились без тебя. Пошли скорее к тебе домой. Там всегда сквозняки. Или душно, как в бане. Пошли, пошли. Ты уже чихаешь. Ну, чего стоишь?»

И Вовка шёл. С ангиной или с бронхитом. Недели две он лежал в постели, пил горячее молоко, принимал лекарства.

А когда болезнетворные вирусы покидали его, то слышал на прощание: «Не грусти, Вовка. Мы скоро вернёмся. Бегай по лужам и не держи ноги в тепле. А если вспотеешь, выпей холодного «Пепси». И закуси «Баунти». Возьми его грязными руками за толстый-толстый слой шоколада и съешь!»

Вовка не бегал по лужам, мыл руки перед едой, мороженое ел только в сильно разогретом виде... И всё равно. День, два...

И он снова в постели.

Профессор Айболит Айбо-
литович Айболитов.
Лечение щенков, котят и
ДЕТЕЙ (!) до 16-ти лет.
От свинок, переломов хвостов,
чумок, катаров любых
верхних и нижних путей.
Выздоровление гарантирую.
Срок гарантии — два года.

— Что у нас за ребёнок? — удивлялся папа. — Будто клеем намазанный. Всё к нему липнет. Любая зараза. Нет. Так жить нельзя. Вызовем самого знаменитого профессора. Сегодня по радио объявляли. Вот... Я даже телефон записал: «Профессор Айболит Айболитович Айболитов. Лечение щенков, котят и детей до 16-ти лет. От свинок, переломов хвостов, чумок, катаров любых верхних и нижних дыхательных путей. Выздоровление гарантирую. Срок гарантии — два года».

— Странное объявление, — сказала мама. — «Лечение щенков, котят и детей до 16-ти лет»... Если «до 16-ти лет» относится к щенкам и котяткам, то это уже не щенки и котята, а взрослые собаки и кошки. А если это относится к детям до 16-ти лет, то причём здесь чумка и переломы хвостов?

— Неважно! — сказал папа. — На радио, наверно, перепутали. Знаешь, сколько сейчас объявлений?

— А гарантия? Почему только на два года? А дальше? Пусть снова болеет?

— Нам бы два года пожить спокойно, — сказал папа. — Я дальше не загадываю. В крайнем случае, снова вызовем. И продлим гарантию.

— Ладно, — сказала мама. — Два года — это тоже срок. За два года многое может произойти. Может, я помру и не буду больше с этим ребёнком мучиться.

Папа обнял маму за плечи, прижал к своей любимой «адидасовской» майке:

— Не надо, Маруся. Вот увидишь, всё будет хорошо. Я по объявлению чувствую, это человек добрый. Раз всех лечит. И людей, и собак. Вот увидишь, увидишь.

И ещё он хотел маму поцеловать, но было воскресенье, а по воскресеньям папа не брился. И был колючим. Мама

его таким не любила. Она по воскресеньям наносила на лицо дорогой крем. И папа мог своими колючками его с мамино лица счистить. Как очищают тротуары от снега. Поэтому папа только вздохнул:

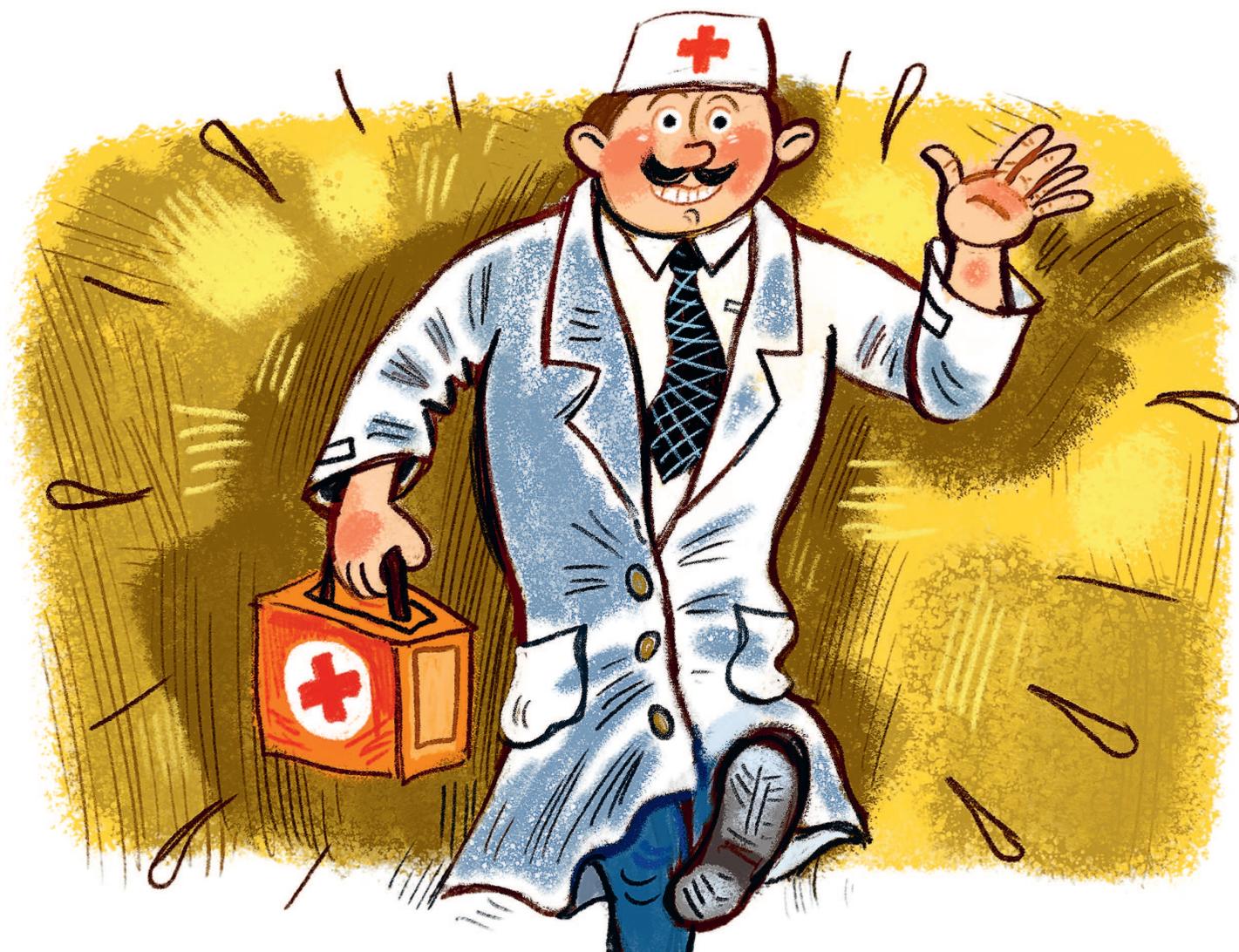
— Вызовем. Обязательно вызовем!

И вызвали.

Профессор был весёлый, рыжеватый. С розовой, как у поросёнка, кожей. Он был похож на боцмана из мультфильмов.

И такой он был крепкий, мускулистый, здоровый, что, глядя на него, сразу хотелось делать зарядку и устанавливать рекорды.

— Ну?! — закричал он, едва войдя в комнату. — Где наш симулянт? Почему лежит, а не играет в футбол, баскетбол, волейбол?

— Тридцать восемь у него, — вздохнула мама. — Тридцать восемь. И это с утра. Представляете, профессор?

— А у меня — сорок два, — сказал профессор. — И с утра и всегда. И тапочки, и сапоги. Всё сорок второго размера.

И он захохотал. И папа, и мама тоже улыбнулись. Стало ясно. Он поставит Вовку на ноги.

Профессор заглянул в Вовкин рот. Затем в нос и уши. Потом долго мял живот, будто искал там золотые монеты. Стучал по коленкам молоточком. Ноги сами подскакивали, словно чужие. Ещё он задавал Вовке глупые вопросы: «Где у тебя нос, покажи. А с закрытыми глазами?»

Наконец он успокоился. Сложил все свои молоточки и трубочки в портфель и сказал:

— Пугаться нечего. Никаких страшных болезней я у вашего мальчика не нахожу. Вы слишком надеетесь на лекарства. А ему надо делать зарядку, кататься на лыжах. Кстати, много у него друзей?

— Мало, — сказала мама. — Боятся заболеть.

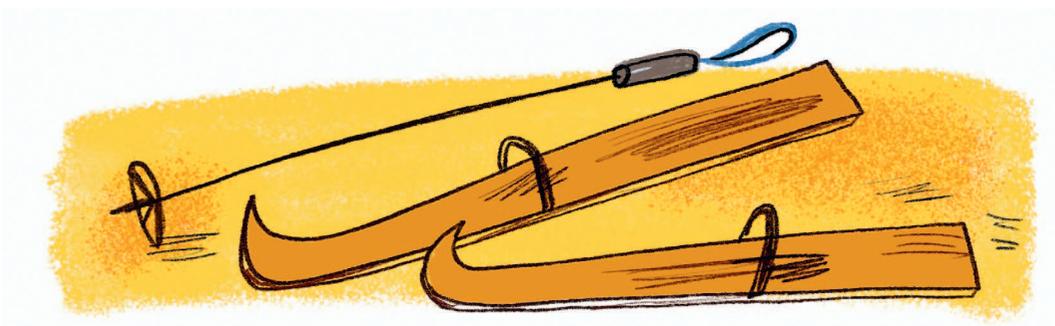
— Плохие друзья, — сказал профессор. — В наши времена не боялись.

— В наши времена, — сказал папа, — лекарства так дорого не стоили.

Профессор улыбнулся:

— Знаете, что я вам советую? Если люди боятся, надо животное завести. Собаку, кошку... Или хомяка. Или аквариум с рыбками. Друг ему нужен. Настоящий. Верный. Надёжный, хороший друг. Пусть даже не человек. Дружба — это великая целебная сила!

Так в доме появился Кеша. Конечно, он не был ни собакой, ни кошкой, ни рыбкой, ни хомяком. Он был попугай. Но дела это не меняло. Кеша должен был стать Вовке настоящим другом. Как он появился? Это разговор особый...

Глава вторая

ДЯДЯ БОРЯ — ЛЁТЧИК

Дядя Боря жил на первом этаже, а Вовка на девятом. Первый этаж — самый неудобный. Любопытные с улицы заглядывают, кошки в форточку прыгают, машины гудят, собаки лают. Но дядя Боря любил свой первый этаж. Ни на какой другой его бы не променял. Потому что для человека, который в небе всю жизнь провёл, близость к земле имеет немалое значение. Какая с высоты земля? Не земля, а глобус. Ни кошки, ни собаки, даже слона не увидишь. Лес — зелёное пятно. Река — голубая верёвочка. Озеро — лужа. И как в этой луже люди купаются? Нога — и то не уместится. Нет! Совсем неинтересная с высоты земля. То ли дело — первый этаж. Любое дерево, любой листочек — вот они, прямо перед глазами. А свист ветра? А шум дождя?

Осенью откроешь окно — пряные ароматы. Всё пахнет. Влажная земля, листья, хлеб из булочной. И улетать не хочется. В любимое небо.